

Александр Бычков

Рецензия на книгу «Церковь и постмодернизм» (Дж. Смит)

Смит, Джеймс. Церковь и постмодернизм: Как найти место в церкви Лиотару, Фуко и Деррида? – Черкассы: Коллоквиум, 2012. – 214 с.

В евангельском мире к явлению, которое именуется постмодернизмом, сложилось неоднозначное отношение. В большинстве своем евангельские верующие озабочены постмодернистскими тенденциями нашего времени и воспринимают философию постмодернизма в лучшем случае настороженно, а в худшем – считают ее прямо противоположной и никак не совместимой с христианской верой. Иные же приветствуют постмодерн постольку, поскольку он выступает против модернистского мировоззрения, которое вряд ли можно назвать благожелательным по отношению к христианской вере. Реформатский богослов Джеймс Смит, профессор философии в Колледже Кальвина (Мичиган, США), в своей небольшой книге «Церковь и постмодернизм: Как найти место в церкви Лиотару, Фуко и Деррида?» рассматривает как положительные, так и отрицательные аспекты влияния постмодернистской мысли на христианскую церковь. Его особенно волнуют вопросы о том, в чем постмодернизм может быть церковным союзником, и какой должна быть постмодернистская церковь.

Для того чтобы дать ответы на эти вопросы, Смит предлагает нам рассмотреть сущность постмодернистской философии. Он убежден, что крайне настороженное отношение евангеликов к постмодернизму продиктовано прежде всего некорректным пониманием постмодернизма, а также тем, что христианская церковь сама пропиталась модернизмом. В какой-то мере, постмодернизм, напротив, может помочь нам быть ближе к нашему древнему наследию. Он признает, что между постмодернизмом и модернизмом есть не только разрыв, но и преемственность, однако сосредотачивается на различиях, которые, по его мнению, полезны для христианской церкви.

Он предлагает внимательно разобраться во взглядах трех французских философов, которых он называет постмодернистской «несвятой троицей» и считает основными выразителями взглядов

постмодернизма. Это Жак Деррида, Жан-Франсуа Лиотар и Мишель Фуко. Смит рассматривает три основные идеи постмодернизма, основным выразителем каждой из которых и является один из указанных философов. Он посвящает отдельную главу для каждой из этих трех идей и, соответственно, каждому из философов. Все главы имеют одинаковую структуру. Вначале автор приводит описание художественного фильма, который, по его мнению, наилучшим образом передает обсуждаемую идею. Затем он предлагает формулировку самой идеи, опровергает ошибочные и поверхностные представления о ней и, в свою очередь, приводит то значение, которое, по его мнению, вкладывал в нее сам автор. В итоге он размышляет над вопросом, какое влияние эта идея должна оказать на христианскую церковь эпохи постмодернизма.

Первой рассматриваемой идеей является утверждение Жака Деррида «нет ничего, кроме текста». Для того чтобы сделать данное утверждение более наглядным, Смит приводит описание художественного фильма «Помни» (2000). Главный герой потерял возможность запоминать что-либо, случившееся с ним более 15 минут назад. Вокруг него происходят различные события, и, однако, они не имеют никакого смысла до тех пор, пока Леонардо не истолкует их с помощью своих записей – текста. Для Леонардо именно это толкование и только оно имеет значение. Принцип Деррида «нет ничего, кроме текста» означает нечто подобное. Глупо и даже невозможно говорить о сути предметов или событий в самих себе. Предметы и события – лишь то, как мы их воспринимаем, и ничего более. Это выражение вовсе не значит, что их не существует как таковых, и они живут лишь на бумаге, но их значение никак не отделимо от восприятия. Для людей, обычно, вилка – это предмет, которым едят, а вот для русалочки – это расческа. Объект, на котором я сплю, является кроватью для меня и моей жены потому, что мы ее привыкли так воспринимать, однако для моего младшего сына – это вовсе не кровать, а батут. В конце концов весь мир, в котором мы живем, можно отождествить именно с текстом, который должен быть истолкован.

Принцип «нет ничего, кроме текста» может рассматриваться как созвучный протестантскому *Sola Scriptura*. Автор показывает, как по-разному можно передать события Страстной Пятницы, используя предполагаемые рассказы случайного паломника и римского сотника. И один и другой рассказ не будут содержать искажений относительно произошедших событий, однако это будут две совершенно разные истории. Потому неразумными представляются попытки проникнуть за текст, в самую суть событий или в авторские цели. У нас есть текст, передающий то толкование событий, которое нам и нужно. Более того, у

нас есть текст, который, подобно запискам Лео из фильма «Помни», помогает нам истолковывать мир, в котором мы живем. Правда и этот текст мы должны истолковывать. Смит подчеркивает важность толковательной общины. Подобно тому, как сотник находился в определенном контексте, который позволял ему находить нужное толкование для голгофских событий, и мы должны находиться в общине, которая даст нам толковательные инструменты. Постмодернизм ведет нас к отвержению индивидуалистического христианства.

Затем рассматривается утверждение «постмодернизм – это недоверие метанарративам» Жана-Франсуа Лиотара. Смит иллюстрирует этот принцип фильмом «О где же ты, брат?» (2000). Беглый каторжник Эверетт во время своих необычных приключений встречается с событиями, которые никак не вписываются в его модернистское мышление, однако продолжает упорно за него держаться, ведь оно, якобы, является объективным. Смит утверждает, что для постмодернистов метанарратив – это не просто большая история, но это история, которая отрицает то, что она имеет вполне четкие и никак не обоснованные предпосылки, и при этом заявляет о своей объективности. Именно такой историей является модернизм. Христианству же совсем не стоит играть в эти игры, и отвергать то, что оно очевидно основано на конкретных предпосылках. В постмодернистском мире церкви совсем ни к чему оправдываться в своей предпосылочности. Можно сказать, что ей вообще не нужна апологетика. Нам ни к чему объективно и рационально обосновывать истинность церкви и ее учения. Напротив, мы можем смело утверждать свою историчность. Церковь берет свое начало в истории и провозглашает свое учение в проповеди. В таком случае церковь сама становится апологетикой. Смит подводит нас к тому, что постмодернистская церковь совсем не является несовместимой с церковью традиционной и конфессиональной. Напротив, смелое утверждение своей традиции как раз вполне соответствует духу постмодерна.

Стоит отметить, что понимание Смитом значения метанарратива все же является спорным. Недаром не только многие богословы, но и философы постмодернизма понимают этот термин именно как историю, претендующую на всеобщее и всеобъемлющее значение. Даже сам Лиотар в своем труде «Состояние Постмодерна» рассматривает христианство как пример одного из таких метанарративов. И если метанарратив претендует на всеобъемлющее объяснение мироздания, то,

с точки зрения постмодернизма, это прямая дорога к тоталитаризму и угнетению.

Последним в книге рассматривается утверждение Мишеля Фуко «Знание – власть». Он рассматривает известный фильм «Пролетая над гнездом кукушки» (1975). Администрация психбольницы, которая персонифицирована в лице сестры Милдред Рэтчед, сконструировала искусную машину по созданию идеально удобных и послушных пациентов. Вырваться из созданного мира очень нелегко, и даже не из-за видимых стен, а из-за того, что пациентам внушено, что они не здоровы, и им нужно находиться здесь. Фуко в своей знаменитой книге «Надзирать и наказывать» рассматривает историю наказаний в различных исправительных учреждениях, таких как тюрьмы или психбольницы. Он показывает, что заключенные жили в информационном и понятийном мире, который был искусно создан для них администрацией с тем, чтобы проще контролировать их.

Смит указывает, что подобные заведения являются миниатюрой нашего модернистского мира. Мы живем в странах, где специально создается информационная повестка с целью лучшего контроля над людьми, даже с целью создания людей, которые будут идеально соответствовать «дисциплинарному» обществу, которое их и создает. Например, мы видим, как реклама, СМИ, книги и прочее воспитывают или даже создают на западе общество потребителей. Смит говорит, что воспитание, конечно же, необходимо. Нам нужно хорошо понимать то, что происходит в этом мире. Более того, нужно понимать и то, что сама модернистская церковь глубоко заражена потребительством и индивидуализмом модернизма. Модернистская церковь в своем противлении всякой власти также проявляет модернистскую независимость. Потому церкви нужно отбросить это влияние модерна и иметь собственную воспитательную повестку, чтобы формировать иное, альтернативное общество, чтобы стать Церковью. В этой повестке занимает важное место как обучение (катехизация), так и церковная дисциплина.

Делая выводы, Смит также вначале ссылается на фильм – «Оседлавший кита» (2002). Фильм повествует о племени новозеландских аборигенов, столкнувшихся с острой проблемой идентичности в современном мире. Полностью принять модернизм – значит потерять самих себя, что, например, показано на примере дяди-наркомана главной героини. Однако же и вернуться назад уже нельзя. Старый вождь ищет приемника и создает школу, где обучает мальчиков племенным традициям.

Но среди них не находится достойного. Находится девочка, на которую не было никаких надежд, но зато сама она была полна веры и решимости воплотить надежды деда. И когда представляется возможность, она это делает. Племя не отказывается от модерна совсем, но использует его для возвращения к своим традициям. Смит указывает, что нечто подобное происходит и с церковью. Церковь, плененная модернизмом, теряет саму себя. Церковь же постмодерна – смело возвращается к своим корням, как конфессиональным, так и экклезиологическим, адаптируя свою традицию к новой ситуации.

Смит не считает «появляющееся» (emerging) христианство приемлемым ответом постмодернизму. Неуверенность в традиции – это заведомо проигрышная игра. Церковь модерна претендует на объективное знание, и потому постоянно боится, что это знание у нее отнимут. С другой стороны, обладая этим объективным знанием, она должна ему подчинить всех и вся. «Появляющаяся» же церковь боится знания. Она боится догмы, она боится авторитета и навязчивости, потому отказывается знать. Но из-за этого она также вечно колеблется и вечно не уверена. Она отказывается от обладания всем и остается ни с чем. Смит считает, что постмодернизм не ставит перед нами этой дилеммы. Не стоит уравнивать знание и всезнание. Мы можем исповедовать истину без претензий на модернистскую объективность. Мы призваны к вере.

Такой и должна быть христианская церковь в контексте постмодернизма. Исходя из древней христианской традиции, она дерзает верить, не претендуя при этом на всезнание. В определенный момент истории церковь получила откровение от Бога и откликнулась на него. Она не ищет объективности, но верит в то, что имеет, и отталкивается от этого. В поисках своей идентичности она не обращается к окружающему миру (как это делает "Появляющаяся" церковь), а рискует отдать приоритет своей традиции. Она позволяет откровению и своей традиции, а не внешним дискурсам, формировать свой облик. Но, как и новозеландское племя, она и не враждует с модернизмом, и не порабощается ему. Она не возвращается в первый либо шестнадцатый век. Она смиренно признает значение историчности откровения и не болеет антиисторизмом. Потому она не отвергает многовековую традицию, не слепо копирует ее, но воплощает ее в новых условиях, продолжает ее.

Как пример такой церкви Смит приводит Радикальную ортодоксию – движение, которое возникло в англиканско-католической среде в 20-м веке и взяло курс на возвращение к корням христианства. И тут стоит высказать несколько критических замечаний. Во-первых, радикальная ортодоксия в

книге Смита появляется несколько неожиданно и без необходимых пояснений. Смит не дает определения радикальной ортодоксии и не стремится явно показать, как его предыдущее описание принципов постмодерна проявляется именно в радикальной ортодоксии. Во-вторых, в этой книге радикальная ортодоксия появляется как единственный возможный и всеобъемлющий ответ на вызовы постмодернизма. В-третьих, несколько удивляет фактическое отсутствие упоминания реформатской традиции в качестве ответа на вызовы постмодернизма. И это выглядит странно. Автор настаивает на важности и необходимости традиции и при этом даже не упоминает свою собственную, весьма конкретную и укорененную в истории, реформатскую традицию, вместо этого обращаясь к куда менее определенной радикальной ортодоксии. Стоит отметить, что в других своих работах Смит намного подробнее и несколько сдержаннее говорит о радикальной ортодоксии. Он также показывает точки соприкосновения между реформатской традицией и радикальной ортодоксией.

Александр Бычков

студент ЕРСУ